

АУШВИЦ, БЕН ЛАДЕН И ИДЕОЛОГИЯ ВОСКРЕШЕНИЯ

Роберт Д. Столорю

РОБЕРТ Д. СТОЛОРЮ — американский психоаналитик. Основатель факультета по подготовке кадров Института современного психоанализа в Лос-Анджелесе, сотрудник Института психоаналитического изучения субъективности в Нью-Йорке, профессор психиатрии в школе медицины UCLA

Крайне важно разделить понятие «смысл зла» и «риторика зла». Вопрос смысла зла герменевтический — это вопрос трактовки: что *подразумевается* под словом «зло»? Риторика зла, напротив, имеет отношение к тому, как *используется* слово «зло» для обслуживания идеологических и политических целей. Я разберу оба термина по очереди.

Смысл зла

Так сложилось, что зло всегда понималось как *отсутствие* или недостаток добра. Эта концепция, восходящая к Платону, была реанимирована Бадью. Идя вразрез с этой традиционной точкой зрения, некоторые мыслители ассоциируют зло с *присутствием* чего-то абсолютно разрушительного. Например, Фрейд отожде-

ствлял зло с абсолютной деструктивностью, лежащей в основе инстинктов человеческой природы.

Ряд философов пришли к пересмотру понятия зла в ответ на зверства тоталитаризма в XX веке. Для Левинаса, например, зло не было просто отсутствием или недостатком добра. Это был «избыток» нигилизма, который представлял собой полный разрыв с этическими нормами как таковыми.

Первой, кто детализировал, что такой нигилизм влечет за собой, была Ханна Арентт. Она, как никакой другой философ, взялась за пересмотр понятия «смысл зла», что было весьма актуально в период ужасов тоталитаризма и нацизма.

В соответствии с ее анализом **господство тоталитаризма приводит к торжеству абсолютного зла, которое уже невозможно вывести из мотивов, постижимых с точки зрения человечности.** Взяв изречение Канта, но придав ему совершенно другой смысл, Арентт называет подобное абсолютное зло «радикальным». Радикальное зло — это не просто поступки на основе хорошо знакомых «греховных мотивов». Для такого зла люди — расходный материал, который не нужно жалеть. Такое зло уничтожает то, что делает человеческую жизнь по-настоящему человеческой, оно отменяет человеческую свободу, непосредственность, индивидуальность и нравственность. Взяв в качестве примера таких нацистских чиновников-убийц, как Эйхман, Арентт описывает, как радикальное зло приобретало вид «банальности»: ужасающие массовые преступления против человечности совершались так, будто они были в порядке вещей. Такова была природа полнейшего нравственного коллапса, который Арентт пыталась отразить в своих толкованиях радикального зла и банальности зла.

Нацизм и Холокост, безусловно, входят в число самых ужасающих примеров радикального зла, встречающегося в общественной и политической жизни человечества. Я полагаю, одна из причин этого в том, что в нацистских лагерях смерти такое зло объединяло усилия с технологическим подходом, в котором, как выразился Хайдеггер, абсолютно все, даже люди, считаются ресурсом или «постоянным резервом», которым можно пользоваться по своему усмотрению.

Риторика зла

В своем исследовании тоталитаризма Арентт приводит убедительный анализ сути политической идеологии. Все эти «-измы», говорит она, тщатся объяснить исторические события, выводя их из одной единственной самоочевидной идеи или предпосылки, например, о том, что история «прогрессирует» посредством уничтожения неполноценных рас (нацизм) или разложившихся классов (коммунизм). Закрепившись, эти нерушимые логические системы становятся (подобно параноидальному бреду) невосприимчивы к происходящему в реальности. В дальнейшем они охотно превращаются в системы тоталитарного террора, оправдывая неограниченное уничтожение кого и чего угодно, если они могут препятствовать историческому процессу.

Семена риторики зла можно обнаружить в древней религиозной идеологии, которая берет начало в Персии и проникает в современный религиозный фундаментализм, известный под названием «манихейство». Это представление, согласно которому движение в истории объясняется извечной борьбой сил добра и сил зла. В риторике зла манихейство заточено под политические нужды: говорящий обычно заяв-

ляет, что его группа — средоточие сил добра, а группа оппонентов — сил зла. С таким разделением, которое, по сути, националистично или этноцентрично, политические цели оправдываются тем, что все делается во имя добра. Именно так СССР стал «империей зла» для Рональда Рейгана.

Коллективная травма и идеология воскрешения

Пережитые коллективные травмы делают нас особенно восприимчивыми к соблазнам риторики зла. Суть эмоциональной травмы кроется в полном разрушении того, что я назвал «абсолютизмом повседневной жизни», то есть системы необъективных убеждений, помогающих нам существовать в этом мире, которая кажется устойчивой, предсказуемой и безопасной. **Эмоциональная травма ставит нас лицом к лицу с нашей экзистенциальной уязвимостью, с тем, что смерть и утрата — это те вероятности, которые определяют наше существование** и преследуют нас в своей неизбежности. Нередко травмированные люди пытаются восстановить утраченные иллюзии, вдребезги разбитые травмой, с помощью того, что я назвал «идеологией воскрешения».

Теракты 11 сентября были сокрушительной коллективной травмой, которая пробила брешь в американской психике. Это ужасающий показательный пример того, что даже на Америку можно напасть на ее собственной территории. Теракты не оставили камня на камне от коллективной американской иллюзии безопасности, незыблемости и общей непобедимости, от иллюзий, которые много лет служили главной опорой американской исторической идентичности. После этого краха американцы стали гораздо подозрительнее к идеологии воскрешения, обещающей восстановить все грандиозные иллюзии, которые были утрачены.

После 11 сентября администрация Буша объявила войну глобальному терроризму и втянула Америку в помпезный священный крестовый поход, который давал американцам право почувствовать себя исцеленными от травмы, избранными Богом, чтобы избавить мир от зла и подарить модель своего образа жизни (=добра) всем народам на Земле. С помощью такой идеологии воскрешения и ее риторики зла Америка смогла бы справиться с мучительной уязвимостью, которая стала очевидна после терактов, и вернуть себе прежнее величие, могущество и богоподобие.

К сожалению, все попытки реализовать подобную идеологию вызывают коллективную травму у тех, на кого направлена атака, и отвечают они усилением *своей* идеологии воскрешения. Именно эта диалектика травматического коллапса и идеологического воскрешения подстегивает прискорбно повторяющийся круг зверств и зверств в ответ на зверства, столь свойственный человечеству на протяжении истории. ■

РЖ — специально для Ярославского Форума

Индустрия Холокоста В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

ЗИГМУНТ БАУМАН — польско-английский социолог, профессор университета Лидса. В 1968 году Бауман был вынужден покинуть Польшу, в 1971-м переехал в Англию, заняв пост профессора социологии в университете Лидса. Его книга «Актуальность Холокоста» была в 2010 году издана в России издательством «Европа».

РЖ — специально для Ярославского Форума

Каждый тип цивилизации имеет свои неприятные аспекты, имеющие собственные последствия в будущем. Холокост был тяжелейшим периодом этапа истории XX века, и эта тема остается актуальной сегодня.

Анализ того, как категория «Холокост» была перенесена в наше время, в котором преобладают ценности и идеи потребления, позволяет говорить, что введение категории «индустрия Холокоста» отражает процесс коммодификации отношений между людьми. Появление такого концепта есть отражение ситуации превращения человека в массовый объект потребления — подобный товару или руде, ненужная часть которой отбраковывается. То есть, когда кто-то говорит об «индустрии Холокоста», он подразумевает, что сегодня типична ситуация использовать другого в своих целях. На мой взгляд, высшим выражением этой логики являются заявления о том, что евреи намеренно апеллируют к жертвам Холокоста, чтобы легитимизировать политику Израиля или что-то еще.

Все это свидетельствует о том, что логика,

однажды приведшая Запад к Холокосту, по-прежнему действует, пусть и в несколько измененном виде. Это все та же дегуманизация, в процессе которой человек стал восприниматься не более чем единицей статистики, единицей, которой в случае чего можно пожертвовать. Для меня модернизация в современном смысле этого слова, модернизация, о которой сегодня столько говорят в России, — это движение общества вперед, причем «со знаком плюс» в плане своей этичности. Современная концепция модернизации должна обязательно учитывать моральный аспект, современная модернизация воспринимается как априори моральная и гуманная. ■

«Индустрия Холокоста» — нашумевшая работа американского политолога и писателя Нормана Финкельштейна. Была опубликована в 2000 году. Работа посвящена тому, как страдания евреев в современном мире становятся предметом циничных эксплуатаций.